

Глава 6

Перед свадьбой

Крыша в доме Цзянь Жу давала течь. Дом этот когда-то пережил пожар: обрушившуюся стену отстроили заново, кровлю кое-как подлатали. Деньги на ремонт он занимал у родственников и за несколько лет вернул всё до последней монеты. Средств тогда было в обрез, поэтому починили дом наспех — от ветра укрыться ещё получалось, а вот от дождя уже не всегда. Каждое лето крыша нет-нет да и протекала.

Прежде, как только дождь стихал, Цзянь Жу взбирался по лестнице на крышу и заново перекладывал пучки соломы, заготовленные с осени. Раньше эту работу всегда выполнял отец; Цзянь Жу боялся высоты, и тот не пускал его наверх. Но нужда не спрашивает, чего ты боишься, — со временем он научился делать это не хуже отца.

Однако в этот раз он не стал ничего чинить, лишь подставил под капель таз — и на том успокоился.

В последние дни Цзянь Жу занимался тем, что разбирал свои вещи.

Почти всё, что принадлежало его родителям, сгорело в том пожаре, не оставив ему даже самой малости на память.

Теперь, собираясь, он обнаружил, что, кроме нескольких комплектов старой одежды, любимых безделушек да дюжины связок медных монет, всё его имущество умещается в одном-единственном деревянном сундуке.

Второй молодой господин Ли передал ему через бабушку Цзинь немного серебра на личные расходы, но Цзянь Жу наотрез отказался их брать. Новую одежду он тоже оставил в той комнате, где жил.

Несмотря на бедность, ему не хотелось, чтобы второй молодой господин счёл его алчным, хотя, по правде говоря, деньги были бы очень кстати.

Закончив со сборами, Цзянь Жу, не зная, чем себя занять, бродил по деревне, навещая места, где играл в детстве.

Пару дней назад случилось одно событие, незначительное, но неприятное: к нему пришёл брат Чжан Цзяо и потребовал, чтобы Цзянь Жу пошёл ухаживать за их матерью.

Сказал ли Чжан Цзяо матери правду, уходя, Цзянь Жу не знал. Но как бы то ни было — умер он или сбежал, — его мать, конечно же, не смогла этого вынести. Её и без того слабое здоровье окончательно пошатнулось.

Брат Чжан Цзяо не отличался сыновьей почтительностью. Женившись, он перебрался к более состоятельным родителям жены и редко навещал свой дом. Лишь теперь, когда за матерью стало совсем некому ухаживать, он был вынужден вернуться.

Мать Чжан Цзяо всегда была добра к Цзянь Жу, встречала его радушно, и он не раз ел за её столом. Но это нельзя было назвать неоплатным долгом, тем более что Цзянь Жу сделал для их семьи гораздо больше.

Выслушав брата Чжан Цзяо, он без обиняков ответил, что не пойдёт.

Тот мгновенно изменился в лице.

— Мой брат только что пропал, а ты уже плюёшь на былую дружбу?

Цзянь Жу не хотел вступать в пререкания.

— Да, — кивнул он.

Брат Чжан Цзяо едва не задохнулся от возмущения.

— Ты ведь всегда за ней ухаживал, почему же теперь отказываешься?

— Ты её сын или я? — спокойно возразил Цзянь Жу. — Сам — трус и подкаблучник, боишься жену послушаться и за родной матерью ухаживать не хочешь, так с какой стати я должен?

Брат Чжан Цзяо побледнел от гнева, но уходить не спешил, всё ещё пытаюсь уговорить Цзянь Жу.

— Если ты решил остаться здесь, — отрезал Цзянь Жу, — что ж, давай тогда посчитаем, сколько раз я помогал вашей семье и сколько еды и денег на вас потратил. Верни мне всё до последней монеты!

Услышав это, брат Чжан Цзяо больше не смел настаивать и, осыпая его бранью, убрался восвояси.

Цзянь Жу не стал принимать это близко к сердцу.

Вечером, после ужина, он достал из собранных вещей маленький фарфоровый горшочек, сел на край кровати, закатал штанину и принялся втирать в колено желтоватую мазь.

Кожу сразу же начало согревать приятное тепло, и ноющая боль в ноге утихла.

Эту мазь в день отъезда из поместья ему дала бабушка Цзинь. Сказала, что второй молодой господин велел приготовить её специально для него, ведь сломанные кости в сырую, дождливую погоду непременно будут ныть, а мазь поможет унять боль.

Ещё она добавила, что времени было мало, поэтому пока придётся обойтись этим, но позже найдётся средство и получше.

В тот миг у Цзянь Жу сладко и тоскливо защемило в груди.

Он давно свыкся с этой болью и почти не обращал на неё внимания, но оказалось, был тот, кто помнил о ней за него.

Этой ночью Цзянь Жу спал крепко.

На следующее утро, позавтракав, он отправился к старосте, чтобы сообщить, что нашёл работу в городе и уезжает на некоторое время.

В деревне не было редкостью, когда те, кто едва сводил концы с концами, отправлялись искать счастья в город.

Староста для вида произнёс несколько напутственных слов, и на этом они распрощались.

Цзянь Жу не хотел говорить односельчанам правду. Хотя в прошлом некоторые и посмеивались над ним за спиной, он не держал на них зла. В конце концов, это было место, где жили его родители и где вырос он сам, и с соседями он часто перебрасывался парой слов.

Но когда дело дошло до жертвоприношения речному богу, почти никто не высказался против. Никто не почувствовал и тени вины. Напротив, ради домов и полей они помогали старосте принуждать людей бросать своих детей в реку.

После этого у Цзянь Жу не осталось к этой деревне ни капли тепла. Лица этих людей казались ему отвратительными, и он не хотел их больше видеть.

Он женится, да ещё и на человеке из такой хорошей городской семьи. Узнай об этом в деревне, кто знает, какие пойдут разговоры. Цзянь Жу не хотел становиться предметом их пересудов и, тем более, не хотел, чтобы из-за него обсуждали семью Ли.

И была ещё одна причина: он боялся. Боялся, что свадьба в последний момент сорвётся, и он станет всеобщим посмешищем.

Второй молодой господин Ли сделал более чем достаточно, чтобы доказать серьёзность своих намерений, но Цзянь Жу всё равно терзали страхи. Прошлый опыт научил его, что удача — не его спутница. Он боялся, что всё это окажется лишь прекрасным сном, который закончится горьким разочарованием.

Вскоре после его возвращения от старосты у ворот остановилась повозка, запряжённая ослом. Возница помог бабушке Цзинь сойти. Она обошла дом Цзянь Жу, оглядывая всё вокруг с нескрываемой печалью.

Цзянь Жу следовал за ней, и его взгляд тоже прощально скользил по стенам места, где он прожил столько лет.

— Пойдём, — сказала бабушка Цзинь, похлопав его по плечу.

Цзянь Жу отнёс вещи в повозку, помог старушке забраться внутрь и взобрался сам. Возница щёлкнул кнутом, и ослик зашагал в сторону выезда из деревни.

Дождь всё ещё шёл, на пустынной, размытой дороге виднелись лишь лужи. Колёса, проезжая по ним, разбрызгивали грязь, и в воздухе стоял влажный запах земли.

Цзянь Жу откинул занавеску и смотрел на удаляющиеся дома, пока последний из них не скрылся из виду. Опустив полог, он не почувствовал особой тоски, но прощание с местом, где он вырос, и переезд в незнакомый дом наполняли его душу тревогой перед будущим.

Бабушка Цзинь взяла его за руку и мягко похлопала по тыльной стороне ладони.

— Каждому юноше и каждой девушке однажды приходится покидать родной дом. Я прожила в семье Ли много лет и могу сказать, что это достойные люди. Не тревожься слишком, братец Цзянь.

Хоть Цзянь Жу и был упрям, в душе он оставался всего лишь восемнадцатилетним юношей.

В тесной повозке они сидели плечом к плечу. Бабушка Цзинь обняла его, и Цзянь Жу, не в силах сдержаться, уткнулся лицом в плечо худенькой, но державшейся с прямой спиной старушки, и его плечи задрожали.

Бабушка Цзинь гладила его по спине, и её собственное сердце сжалось от жалости. Она вспомнила свою дочь, выданную замуж в далёкие края. Этот юноша, прильнувший к ней, был таким худым и лёгким, что казался почти невесомым. Бедное дитя. В доме Ли его нужно будет хорошенько откормить.

На этот раз Цзянь Жу снова привезли в поместье старосты Ли, где разводили лошадей.

Ещё в дороге бабушка Цзинь объяснила, что до самой свадьбы он будет жить здесь.

Таково было решение почтенной госпожи Ли.

Во-первых, Цзянь Жу уже бывал здесь и успел немного освоиться. Во-вторых, поскольку его родители умерли, а близких родственников в деревне не осталось, да и сам он не горел желанием отправляться под венец из родного дома, было решено, что он выйдет замуж отсюда.

Почтенная госпожа Ли уже договорилась со старостой Ли, что тот станет для Цзянь Жу названным отцом, и тогда всё будет сделано по обычаю.

Бабушка Цзинь спросила, что Цзянь Жу думает об этом, добавив, что если его что-то не устраивает, время ещё есть и всё можно обсудить.

Цзянь Жу видел, как женятся в деревне, но там всё было проще, без особых церемоний. Он не разбирался в тонкостях, но понимал, что семья Ли делает это из добрых побуждений.

— Я во всём положусь на почтенную госпожу, — ответил он. — У меня нет возражений.

— Почтенная госпожа также просила узнать твоё мнение насчёт даты свадьбы, — продолжала бабушка Цзинь. — Её назначили через три месяца.

Цзянь Жу, и без того опасавшийся, что свадьба может сорваться, услышав это, невольно спросил:

— Почему так долго?

Бабушка Цзинь насмешливо цокнула языком:

— Что, так замуж невтерпёж?

— Нет... — покраснев, пробормотал Цзянь Жу.

— Свадьба — дело непростое, — принялась объяснять старушка, загибая пальцы. — По правилам, сперва должны быть сватовство, гадание по именам, объявление о помолвке и выбор благоприятного дня. Только на это уходят месяцы. Мы эти этапы пропустили, но есть вещи, которыми пренебрегать нельзя, и это ради твоего же блага.

Цзянь Жу непонимающе посмотрел на неё.

— Ты ведь должен дать второму молодому господину время, чтобы собрать для тебя выкуп! — с улыбкой пояснила она.

— Ах... — растерянно выдохнул Цзянь Жу. — Я могу и без выкупа...

Бабушка Цзинь не удержалась от смеха и погладила его по голове.

— Глупый ребёнок, как же так можно? У тебя нет ни отца, ни матери, но обычаи нельзя нарушать. Что положено — бери и держи крепко. Это твоя опора на будущее.

Цзянь Жу всё понял и кивнул.

— За это время, — продолжала бабушка Цзинь, — нужно успеть сшить вам обоим свадебные наряды, приготовить несколько комплектов праздничного постельного белья. Комнату второго молодого господина тоже нужно привести в порядок и заново украсить. А уж с подготовкой свадебного пира хлопот ещё больше. — Она оглядела Цзянь Жу с ног до головы. — Да и тебе нужно срочно заказать украшения, сшить побольше новой одежды. Три месяца — это кажется долго, а на самом деле времени в обрез, придётся поторопиться.

Бабушка Цзинь выпалила всё на одном дыхании и, заметив, что Цзянь Жу молчит, легонько толкнула его плечом.

— О чём задумался?

Цзянь Жу молча посмотрел на неё, и уголки его губ медленно поползли вверх. Он улыбнулся, и его глаза засияли, словно звёзды.

Он был счастлив.

— Я уже несколько лет не носил новой одежды, — признался он.

Бабушка Цзинь на мгновение замерла, а затем, растроганная и растерянная одновременно, произнесла:

— Ах ты...

Глядя на этого чистого, искреннего ребёнка, все заготовленные ею напыщенные речи вылетели из головы. Она лишь легонько коснулась его лба пальцем и с улыбкой добавила:

— Ишь, как обрадовался!

Подъезжая к поместью, бабушка Цзинь взяла Цзянь Жу за руку и на прощание сказала:

— Второго молодого господина я знаю с пелёнок. Живите с ним в согласии, и всё у вас будет хорошо.

— Я буду о нём заботиться, — твёрдо ответил Цзянь Жу.

Прибыв в поместье, он поселился в той же комнате, что и раньше.

Бабушка Цзинь привела с собой мальчика лет двенадцати-тринадцати.

— Это Сяо Нин, он прислуживает второму молодому господину, — представила она. — Эти несколько месяцев он будет здесь с тобой. Если что-то понадобится, зови его.

Цзянь Жу оглядел мальчика — тот выглядел смышлёным. Заметив его взгляд, Сяо Нин поклонился и звонко произнёс:

— Приветствую, братец Цзянь.

Цзянь Жу ответил на приветствие.

Бабушка Цзинь отправила Сяо Нина на кухню за горячей водой для чая.

Проводив мальчика взглядом, Цзянь Жу не удержался и спросил:

— Второй молодой господин сейчас занят? — в его голосе слышалось робкое желание увидеться.

Бабушка Цзинь строго посмотрела на него.

— Где это видано, чтобы жених и невеста до свадьбы искали встреч? Второй молодой господин — человек воспитанный, он ещё вчера вернулся в город, чтобы избежать соблазна. И ты должен следовать правилам!

Цзянь Жу уже привык смущаться перед бабушкой Цзинь и не придавал этому особого значения. Он почувствовал укол разочарования, сам не понимая почему, и лишь смущённо улыбнулся.

Вечером Сяо Нин помогал ему разбирать привезённые вещи. Цзянь Жу не привык, чтобы ему прислуживали, к тому же его пожитки были старыми и потрёпанными, и он боялся вызвать презрение.

Но Сяо Нин настойчиво взялся за работу и не выказал ни малейшего пренебрежения, так что Цзянь Жу пришлось уступить.

На следующий день, устроив его, бабушка Цзинь засобиралась обратно. Она была нужна почтенной госпоже и не могла надолго оставаться здесь.

Из всех в поместье Цзянь Жу был знаком только с ней, и после её отъезда он почувствовал себя одиноким птенцом, оставленным в гнезде. Он проводил её до самой повозки и, хотя она махала ему рукой, веля возвращаться в дом, стоял на месте, пока повозка не скрылась из виду.

После этого, как и говорила бабушка Цзинь, у Цзянь Жу почти не было свободной минуты.

Каждый день к нему приезжали то хозяин суконной лавки, то портной, то ювелир. Цзянь Жу, подгоняемый Сяо Нином, крутился как белка в колесе.

К счастью, Сяо Нин оказался весёлым и разговорчивым мальчиком, и они быстро нашли общий язык.

Вскоре привезли и выкуп от второго молодого господина — целую повозку, доверху гружённую дарами. Работникам поместья пришлось сделать несколько ходок, чтобы всё перенести.

Однажды его навестили староста Ли с женой.

В тот день Цзянь Жу так нервничал, что кусок в горло не лез. К счастью, бабушка Цзинь приехала заранее и научила его, как себя вести. Супруги оказались приятными и простыми в общении людьми. После недолгой церемонии всё было сделано по правилам.

Цзянь Жу совершил земной поклон перед старостой Ли и его женой и с тех пор стал называть их названными отцом и матерью.

Супруги преподнесли ему подарки, и его скромное приданое значительно пополнилось.

Однако в тот день с ними приехал и Сунь Юйшуан. На людях он держался вполне пристойно.

Но как только они остались вдвоём, он тут же сменил маску и с усмешкой бросил:

— Не думай, что, выйдя замуж за члена семьи Ли, ты превратишься из вороны в феникса. Почтенная госпожа Ли не в восторге от этого брака. Эта старуха — не из тех, с кем легко ладить. Натерпишься ты ещё!

— Не понимаю, почему тебя так заботит моя судьба, — удивился Цзянь Жу. — Хорошо мне будет или плохо — это моё дело. Замуж за второго молодого господина выхожу я, а не ты.

Неизвестно, какие струны в душе Сунь Юйшуана задели эти слова, но он резко изменился в лице. Его взгляд наполнился ненавистью. Он то бледнел, то краснел, и в конце концов, с видом оскорблённой невинности, топнул ногой и, с покрасневшими глазами, выбежал из комнаты.

Цзянь Жу остался в полном недоумении, но разбираться в причинах его странного поведения не стал.

Все эти дни он жил в радостном предвкушении свадьбы, но выходка Сунь Юйшуана словно окатила его ледяной водой. Он несколько дней ходил сам не свой, и его снова начали одолевать страхи, что брак сорвётся в последний момент.

Он перебрал все сундуки с подарками, утешая себя мыслью, что, даже если всё отменится, второй молодой господин, с его благородством, вряд ли потребует их назад. От этого становилось немного легче, но на душе всё равно было кисло и горько.

Лето давно прошло, дни становились прохладнее. Три месяца пролетели незаметно.

К счастью, его опасения не сбылись.

Наконец, Цзянь Жу предстояло выйти замуж.

<http://bllate.org/book/13681/1212215>